

Ань Лань тоже чувствовал, что с Гун Цзю происходит нечто странное.

Разве не говорили, что эффект должен быть быстрым и сокрушительным? Что всего через несколько вдохов человек начинает пылать, тяжело дышать и обливаться потом, превращаясь в зверя, одержимого одной лишь похотью?

Почему же молодой господин оставался таким невозмутимым, словно ничего не произошло?

«Хм... может, тот старейшина просто рассказывал мне сказки?»

Осторожно понаблюдав за спутником ещё некоторое время, русал окончательно убедился, что тот и впрямь в полном порядке.

Спокойный, холодный взгляд, расслабленная, непринуждённая поза — ничто не выдавало в нём и намёка на потерю контроля. Это было совсем не похоже на то, как он вёл себя, когда просил отхлестать его плетью.

Хоть юноша и был озадачен, он всё же с облегчением выдохнул. Но страх ещё не прошёл. Сегодня он ни за что не хотел оставаться с Гун Цзю наедине.

— Я хочу выйти...

Робко попросил он.

Гун Цзю молча смотрел на него мгновение, затем опустил руку. Ань Лань тут же выскользнул за дверь. Собеседник не стал его останавливать, лишь неспешно последовал за ним.

Подозрения хозяина острова не рассеялись, и он по-прежнему задерживал дыхание.

Как только дверь открылась, тонкий аромат из комнаты смешался с ночным ветерком. Юноша принюхался и заметил, что и он сам, и Гун Цзю насквозь пропитались этим уникальным запахом.

Можно сказать, если округлить, что теперь тот повсюду благоухал им. Словно он стал его собственностью. Эта мысль немного успокоила русала.

Однако вскоре он заметил, что мужчина идёт за ним. Едва в сердце Ань Ланя зародилась тревога, как навстречу им вышли двое.

Один был мужчиной средних лет в парчовых одеждах, с небрежной и свободной манерой держаться, второй — могучим, широкоплечим гигантом с повязкой на одном глазу.

Они, разумеется, тоже заметили Ань Ланя и его спутника. Остановившись, они поклонились Гун Цзю с уважением, но без излишнего подобострастия. Было очевидно, что они искренне его почитают. Они даже предложили молодому господину выпить с ними.

Но у того сейчас не было настроения для праздных бесед. После его отказа мужчины собрались уходить, но, сделав всего пару шагов, тот, что был в парче, вдруг тяжело вздохнул и пробормотал:

— Почему вдруг стало так жарко?

Дыхание гиганта тоже стало прерывистым, он провёл рукой по лбу, стирая пот.

Оба они были людьми бывалыми, прошедшими огонь и воду, и быстро поняли, что дело нечисто. Но когда они могли попасться? И кто на острове мог сотворить такое? Если бы это была вражда, то использовали бы яд, а не...

Их лица побагровели, дыхание стало тяжёлым, как у быков, пот лил ручьём. Кровь, казалось, закипела в жилах, мысли путались, а разум захлёстывала волна желания. Не говоря уже о том, что внизу всё затвердело до боли.

Они даже начали находить друг друга привлекательными.

Понимая, что вот-вот опозорятся на публике, они, собрав остатки разума, использовали всю свою лёгкость и исчезли. И если они узнают, кто подстроил им эту грязную ловушку, то заставят его молить о смерти!

Ань Лань, наблюдавший за всем этим со стороны: «?»

Гун Цзю, который тоже всё видел: «...»

Он бросил на русала долгий, очень долгий и странный взгляд.

Затем уголки его губ поползли вверх. Если бы не его вечная осторожность, он, вероятно, тоже попался бы сегодня. Но такое развитие событий превзошло все его ожидания.

Он видел многих, кто прятал яд или оружие в ногтях, зубах или волосах, но встретить кого-то, кто пропитывает волосы сильнейшим афродизиаком, ему ещё не доводилось.

Неожиданно. И очень забавно.

В этом создании было столько забавного, что юноша, без сомнения, был самым интересным человеком, встреченным им за последние годы. Если это был способ Ань Ланя соблазнить его, то, надо признать, он сработал блестяще.

Русал на мгновение удивился, но тут же выбросил этих двоих из головы, даже не подумав, что дело может быть в нём. Откуда ему было знать, что аромат, исходящий от него и Гун Цзю, всё ещё действует?

Ведь обычный человек, вдохнув его, мог лишь извиваться в агонии страсти в своей комнате, а не разгуливать повсюду, как они.

Видя его полное неведение, Гун Цзю ничего не сказал. Он позволил ему идти дальше, и все, кого они встречали по пути, без исключения, повторяли судьбу тех двоих.

Когда это случилось несколько раз, Ань Лань почувствовал, как в его душе зарождается паника.

«Почему люди без всяких причин вдруг впадают в период страсти?!»

«Может, он попал в какое-то особое время? Неужели у людей сейчас коллективный сезон страсти?»

Но Гун Цзю выглядел совершенно нормально!

После этого юноша стал сознательно избегать людей. Те, кто внезапно впадал в это состояние, выглядели очень агрессивно: с красными лицами, обливаясь потом, они скрежетали зубами и смотрели вокруг свирепым взглядом, словно готовы были кого-то разорвать на части.

Страшное зрелище для рыбы.

Гун Цзю всё время шёл за ним.

И его присутствие давало Ань Ланю чувство защищённости. Кто выдержит, когда посреди ночи постоянно сталкиваешься с такими странностями?

«...А Гун Цзю, в общем-то, неплохой. Если бы только его настроение не менялось так часто, было бы ещё лучше. Когда он рад или зол, он начинает творить какие-то необъяснимые вещи»

«И чему он сейчас так радуется...»

Время шло, и странный аромат на них двоих наконец начал выветриваться. Даже если они изредка встречали кого-то, это уже не причиняло вреда невинным.

Сами того не заметив, они подошли к павильону на воде. Глаза русала загорелись. Павильон был построен над прудом, который был даже больше того, где он мыл осьминога.

Идеальное место для ночлега.

Но как заставить Гун Цзю уйти? Люди не живут в воде, и если он это сделает, то может раскрыть свою тайну.

Этого нельзя допустить. Скрывать свою сущность — одно из главных правил для русалов на суше. Некоторые люди не только жаждут их тел, но и страдают от крайней подозрительности и паранойи, свято веря, что «любое существо другого вида враждебно человеку».

К тому же, говорят, они невероятно бесстыдны. Часто, совершив ошибку и навлекши на себя месть, они с праведным гневом объявляют жертву злом.

Как говорила одна старейшина: когда человек убивает человека — это право сильного. Когда другое существо убивает человека — это злобный демон. А когда человек убивает другое существо — это завоевание, это подвиг.

«Люди предпочитают видеть нас рабами или ингредиентами для зелий, а не свободными, живыми волшебными существами»

Эти слова глубоко запали в душу Ань Ланю. Если бы не полное отсутствие собеседников в море, он бы никогда не решился выйти на сушу. Но раз уж он здесь, то, конечно, выберет роль «сильного человека», а не демона, раба или ингредиента.

Юноша закусил ноготь. Гун Цзю — хозяин этого острова. Только он может ограничивать его передвижения, а не наоборот. Уговаривать и обманывать Ань Лань не умел. Что же делать?

Может, спеть ему колыбельную, чтобы он уснул?

«Да, это должно сработать. Раньше, когда им нужно было пройти через территорию опасных существ, не вступая в конфликт, они так и делали»

С невинным видом он спросил Гун Цзю:

— Гун Цзю, не хотите послушать мой...

«Ах, слово "пение" я ещё не выучил»

Хотя за эти дни он научился говорить гораздо свободнее, из-за нехватки слов он часто запинаясь.

— ...послушать мой голос.

Он нашёл лишь такой сухой и неточный синоним. Гун Цзю с усмешкой посмотрел на него:

— С чего бы мне его слушать?

Хотя он не до конца понял, что имел в виду Ань Лань, он догадался, что речь идёт не об обычном разговоре.

Ань Лань никогда никого не обманывал и не умел лгать. У русалов ложь и предательство были равносильны позору. Он честно ответил:

— Я хочу усыпить вас.

— ... — после долгой паузы тот медленно произнёс: — Зачем тебе усыплять меня?

— Если вы уснёте, я тоже смогу уснуть, — с обидой ответил юноша.

Хотя присутствие Гун Цзю только что давало ему чувство безопасности, если бы он с самого начала не настаивал на том, чтобы спать в одной комнате, а потом не пытался сжечь его волосы, разве он бы сейчас бродил по острову посреди ночи?

Гун Цзю тихо рассмеялся, затем вошёл в павильон, сел и небрежно сказал:

— Что ж, попробуй.

Он не думал, что Ань Лань способен причинить ему вред. А если и случится что-то непредвиденное, он справится.

Получив разрешение, Ань Лань радостно вошёл в павильон и сел напротив Гун Цзю. Он на мгновение задумался и тихо запел новую песню, которую с трудом перевёл на человеческий язык после долгих занятий с двумя служанками.

Золотые одежды — как солнца лучи,

А сердце — нежный мёд в ночи.

Сладкий вкус на губах тает,

Словно прекрасный сон, что не забывают.

Ах!

Он — сокровище мудрости,

Полный доброй сладости.

Он — дар небес,

Что разгоняет печаль и стресс.

Нежная песня, словно тихий, ласковый прилив, медленно затапливала сознание. Тело расслаблялось, мысли тонули, и неодолимая сонливость накатывала волнами.

«...Что... он... поёт...»

С трудом породив эту последнюю мысль, Гун Цзю обмяк, его тяжёлые веки опустились, и он, уткнувшись в стол, затих.

В то же время где-то на поверхности пруда вдруг забулькали пузырьки.

Ань Лань, перегнувшись через перила, увидел, что что-то пошло ко дну.

«Раз есть пузырьки, значит, оно дышит. Неужели человек? Услышал мою песню, уснул и утонул?»

Если так, то, судя по тому, что он знал о людях, этот человек скоро захлебнётся.

Юноша тут же прыгнул в воду. Он не хотел без причины убивать человека, который ему ничего не сделал.

На дне он действительно нашёл неподвижно лежащего человека. Похоже, тот успел задержать дыхание и ещё не тонул, но долго бы так не продержался.

Ань Лань подплыл, схватил его и быстро вытащил на поверхность. Убедившись, что жизни незнакомца ничего не угрожает, он вытолкнул невольного утопленника на берег.

Несчастный так и не проснулся. Гун Цзю в павильоне тоже.

Оглядевшись и не увидев больше никого, Ань Лань тихо скользнул под воду. Наконец-то можно спокойно поспать.

Он быстро нашёл удобное место за большим камнем на дне. Но едва он закрыл глаза, как раздался тихий щелчок, и из внезапно появившейся пещеры выскользнула человеческая фигура.

<http://bllate.org/book/16011/1570197>